

Жежко-Браун И.

Мы учились думать: О студенческом движении НГУ 1960-х. Часть I

Аннотация: Предметом анализа является студенческое движение НГУ в 1963-1967 гг. как часть более широкого оппозиционного движения в Академгородке. Имеющиеся публикации на эту тему не покрывают его историю и неточно квалифицируют это явление. Развитие гражданской активности явилось незапланированным побочным результатом сибирского эксперимента, который актуален в поиске решений по обновлению общественной системы. Статья анализирует предпосылки и факторы студенческого движения, а также полный спектр коллективной общественной деятельности студентов: самоуправление, клубные формы активности, суд над антисемитами, участие в выборе ректора университета и в сохранении автономии университета и академических свобод, защита преподавателей и товарищей от политического преследования. Эта статья написана на пересечении нескольких жанров и методов: документально подтвержденные факты из истории движения подкрепляются воспоминаниями студентов и преподавателей, социологические наблюдения сочетаются с эссеистикой и статистическими данными. Основным вкладом автора является первый в научной литературе анализ студенческого движения НГУ в 1960-х гг.: его предпосылок, форм движения и основных акций, созданных им прецедентов, причин его окончания. Показано, что оно было первым открытым, легальным и наиболее продолжительным студенческим движением после 1920-х, примером оппозиции без диссидентства, самостоятельным движением по самоорганизации и трансформации общественной системы снизу. Оно пошло дальше всех других известных студенческих движений того периода в формировании ячейки гражданского общества.

Ключевые слова: Студенческое оппозиционное движение, гражданское общество, самостоятельный образ жизни, Новосибирский Государственный Университет, культура власти, НГУ, Академгородок, социальное изменение, автономия университета, культура шестидесятых.

Review: The subject of the research is the student movement at Novosibirsk State University (NSU) in 1963 – 1967 as part of a wider opposition movement in the Campus. Previous researches and articles devoted to this topic do not fully reveal the history or specify this phenomenon. According to the author of the article, civil activity was the unexpected side effect of the Siberian experiment. Analysis of the phenomenon may help to seek solutions aimed at the renovation of the society system. The article is devoted to the analysis of prerequisites and factors of the student movement as well as a full range of their activities including self-management, club forms of activity, antisemite trial, participation in the university's rector elections, preservation of the university's autonomy and academic freedoms, protection of teachers and students against political repressions. The article has been written at the intersection of several genres and methods: documented facts from the history of the student movement are accompanied with students' and teachers' memories, sociological observations are combined with statistical data. The main contribution of the author is the analysis of the student movement of NSU in the 1960s, its grounds, forms and main actions and activities, precedents and reasons why the movement stopped existing. This is the first analysis of this kind in the academic literature. It is shown that it was the first open, legal and longest student movement since the 1920s. It was the example of opposition without dissidence, independent movement aimed at self-management and transformation of the society system. It had the best effect on the development of the civil society than all the other famous student movements of that time.

Keywords: Civil society, NSU, independent style of life, cultural grounds of power, Novosibirsk State University, campus, social changes, university's autonomy, cultural life of the 60s, student opposition movement.

Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать.

(Девиз НГУ)

Введение

Студенческое общественное движение в Новосибирском государственном университете (НГУ) в первой половине 1960-х осталось практически незамеченным в истории оппозиционных движений в СССР. Между тем, оно, на наш взгляд, было **первым открытым, легальным и наиболее продолжительным студенческим движением** после 1920-х. Во многих учебных заведениях в этот период были всплески протестной студенческой активности, но только в НГУ движение длилось более трех лет и, в контексте общественного движения в новосибирском Академгородке, создало важные прецеденты и модели гражданской активности.

В шестидесятые, в условиях жесткого контроля партии и государства за общественной мыслью и деятельностью, в стране преобладали тайные, подпольные формы инакомыслия, оппозиционные группы создавались и действовали по большей мере секретно. Пожалуй, единственным исключением явилось московское инакомыслие, которое впервые после революции избрало открытые, легальные формы оппозиции тоталитарной политике государства и коммунистической идеологии. Однако, хотя оно и выдвинуло от имени общества важные требования по соблюдению законов и принципов конституции, наметило одну из траекторий будущего общественного развития, и подало примеры индивидуального мужества и самоотверженности, оно **не выработало конструктивной формы коллективного социального действия, имеющего целью изменение общества**. Деятельность диссидентов была направлена большей частью на разрушение старой политической системы, а не на создание новой.

Студенческое инакомыслие после XX съезда партии (МГУ, ЛГУ, ТГУ и другие) носило характер тайных кружков, являя себя обществу через акции, типичные для подпольных организаций: листовки, самиздат, расписывание стен (граффити)... Напомним только два наиболее известных случая: «университетское дело» и дело Революта Пименова.

Лев Краснопевцев (б. 1930), будучи аспирантом и секретарём комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ, основал и возглавил подпольный марксистский кружок

(1956—1957 гг.). Он был также автором работы «Основные моменты развития русского революционного движения» (1955—1956) и антихрущёвской листовки (1957). По «университетскому делу» были арестованы девять человек: Л. Краснопевцев, Л. Рендель, Н. Покровский, В. Козовой, М. Чешков, М. Гольдман, В. Меньшиков, Н. Обушков, М. Семёненко. Они были приговорены Мосгорсудом в 1958 году к различным срокам: от 6 до 10 лет [1], [2].

Студент математического факультета ЛГУ Револют Пименов написал заявление о выходе из комсомола в 1949-м г., его не исключили, а вместо этого поместили на некоторое время в психиатрическую больницу. В марте 1956 г., уже окончив университет, он размножил на машинке доклад Н. С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культуре личности И. В. Сталина», сопроводив их своими примечаниями. В этом же году написал «Венгерские тезисы», посвящённые подавлению советскими войсками восстания в Венгрии. Пименов возглавил подпольную организацию, которая включала студентов нескольких вузов. Они занимались написанием и размножением самиздата и листовок, а также самообразованием. Пименов был арестован 25 марта 1957 г. по обвинению в преступной деятельности, предусмотренной статьями 58 (10-11), и приговорён к шести годам лишения свободы [3].

В этом непростом историческом контексте уникальная особенность политического опыта Академгородка начала шестидесятых и, в частности, НГУ состоит в том, что будучи по факту оппозиционным или протестным, он носил характер открытого движения, направленного на изменение общества снизу, выстраивание **конструктивной альтернативы имеющемуся социальному порядку**, формирование одного из возможных способов самостоятельного образа жизни в существующей системе и одновременно способов его изменения. Концепция «самостоятельного образа жизни» подробно описана в работе Л. Бляхера «Искусство неуправляемой жизни» [4]. Мы будем использовать далее некоторые идеи и концепции, выдвинутые в этой книге.

О новосибирском Академгородке эпохи 1960-х написано очень много, в основном, о его «взрослом» поколении. Существенно меньше написано об общественной жизни студентов и преподавателей, а, между тем, обитатели уни-

верситета, в общей сложности порядка десяти тысяч человек, составляли примерно четверть населения городка. Студенческой жизнью, за исключением учебного процесса, руководили органы студенческого самоуправления, открыто работали политические дискуссионные клубы и кружки, где обсуждались наиболее острые вопросы современной жизни и истории советского государства, публиковались неподцензурные стенные газеты, в том числе, политической направленности. Студенческая выборная кампания прямо повлияла на назначение нового ректора университета в 1964-м году. Студенты при поддержке парторганизации провели открытый суд над несколькими товарищами, устроившими антисемитскую акцию около общежития... Этот список можно было продолжить, но и сказанного вполне достаточно, чтобы представить характер и масштаб студенческого движения в НГУ. За любой, даже меньший из этих поступков в других университетах в конце 1950-х – начале 1960-х следовали репрессивные акции.

История студенческого движения НГУ еще не написана, хотя имеются отдельные публикации на эту тему в местной прессе, университетских сборниках и на Интернете. Небольшая заметка на эту тему была напечатана выпускником НГУ и преподавателем истории В. Л. Дорошенко в газете «Университетская жизнь» (УЖ) в 1995. [5]. В ней впервые была сделана попытка рассказать о политическом движении студентов НГУ. Спустя два года вышла статья в местной газете «За Науку в Сибири» тоже выпускника НГУ, секретаря парторганизации гуманитарного факультета, профессора кафедры истории России М. В. Шиловского под названием «История университетского вольнодумия», где автор, базируясь на документах университетской партийной организации, излагал несколько иную точку на историю студенческого движения. [6]. Ей в ответ напечатал письмо в газету секретаря комитета ВЛКСМ НГУ (1962-1967) Геннадий Швецов, где он оспаривал некоторые утверждения статьи Шиловского. [7]. Затем последовал ответ самого Дорошенко также с критикой позиции Шиловского (1998). [8]. В этой заметке Дорошенко призывает написать историю движения, отмечая, что для него самого «время для такой публикации еще не пришло». Мы вернемся к этой фразе позже.

Ближе всего к написанию истории студенческой общественной деятельности в НГУ

подошел преподаватель этого университета А. Г. Борзенков. [9]. Задачу своей монографии «Молодежь и политика» автор видел в том, чтобы «выявить главные тенденции в зарождении и становлении молодежных политизированных инициатив и движений на востоке России в 1961-1991 гг.». [9, ч. 1, с. 10].

Наряду с другими источниками, Борзенков использовал документы центрального, областного и районного архивов нескольких ведомств, включая КГБ, партийных и комсомольских организаций. Именно от него, профессионального историка и партийного функционера, мы узнаем, что на момент написания им монографии многие партийные документы, не говоря уже о материалах местного КГБ, касающиеся студенческого движения, были недоступны исследователю, или, говоря на языке спецхрана, «законвертированы». «Практически все архивы организаций государственной безопасности на востоке России закрыты для исследователей...» [9, ч. 1, с. 14]. Вряд ли они были бы тридцать лет спустя все еще «законвертированы», если бы не касались фактов студенческой оппозиционной активности и мер по их пресечению. В процессе своего исследования автор пришел к пониманию, что «на востоке России существовала своеобразная terra incognita политизированных самостоятельных начинаний, которая... оставалась вне поля зрения как советских, так и постсоветских историков» [9, ч. II, с. 173]. Борзенков видел миссию своей работы в том, чтобы вывести из тени генерацию молодежных лидеров, неформальных лидеров, которые рисковали если не жизнью, то благополучной карьерой и работой по специальности.

Так получилось, что в работе Борзенкова именно студенческое движение НГУ периода 1963-1967 гг. описано весьма фрагментарно и неполно, хотя автор и являлся сотрудником этого университета. Борзенков также ничего не пишет о преследовании студентов, участвовавших в этом движении. Нам трудно объяснить причины этого пробела. Возможно, что, как и в случае Дорошенко, Борзенкову пришлось работать бок о бок с теми, кто лично участвовал пресечении студенческого движения НГУ. Данная статья имеет целью восполнить по мере наших сил эти пробелы и отдать должное нашим товарищам, кто взяли риск идти непроторенной дорогой.

Упомянутая дискуссия сибирских историков о природе студенческого движения НГУ могла быть «похоронена» в местных изданиях, но наступила эпоха Интернета и все статьи оказались доступны всем желающим. Не имея возможности пересказывать позиции каждого из участников обсуждения данной темы, я отсылаю желающих познакомиться с ними к указанным в конце статьи источникам.

Жанр, источники и методы. Социальные движения в силу своей спонтанности и эфемерности с трудом поддаются изучению, особенно в их начальной стадии, так называемыми объективными методами. То, что мы можем узнать о любом из движений, мы узнаем по большей части от очевидцев (наблюдателей) и (или) их непосредственных участников, а также сохранившихся документов. Эта статья написана на пересечении нескольких жанров и методов: факты из истории университета добавляются и подкрепляются воспоминаниями студентов и преподавателей, социологические наблюдения сочетаются с эссеистикой. Она также вбирает в себя наиболее ценную информацию из предшествующих публикаций на данную тему. Неожиданным подарком автору этой статьи явилась книга воспоминаний студентов физфака, которые учились в годы студенческого движения (1964-1968). [10]. В подготовке данной статьи принимало участие несколько выпускников НГУ. Без их помощи эта статья бы не состоялась, однако только автор несет полную ответственность за конечный результат. Каждый из нас выступил, как минимум, в двух ипостасях, как участник событий и как их летописец, и, соответственно, в двух жанрах, **эвиденциальном и профессиональном**. Эта двойственность имеет свои плюсы и минусы. В качестве очевидца каждый вспомнил интересные мало- или совсем неизвестные факты и объяснил мотивацию, цели и тактику своего поведения и поведения своих товарищей. Однако это же обстоятельство может позволить упрекнуть нас в придании излишней значимости описываемым событиям, в «рационализации» своих поступков. Сомнения такого рода весьма законны для воспоминаний и должны быть приняты во внимание читателями этого текста. Мы, в свою очередь, старались отделить изложение фактов, которые могут быть при желании проверены, от нашей интерпретации.

История студенческого движения НГУ **приобрела дополнительную актуальность** в контексте современной России. Отношение к академической науке в последние годы, по сравнению с 1960-ми, когда наука почти обожествлялась («наука спасет человечество»), сменилось на почти противоположное. Сегодня созданная еще Петром I, автономная Академия Наук оказалась обузой современному государству, независимый от государства фонд финансирования науки и образования «Династия» был объявлен «иностранным агентом», Академия Наук реорганизована практически без участия самой Академии, а точнее, наперекор ее собственным предложениям. Опыт недавних лет показывает, что формы сопротивления ученых неразумным с их точки зрения переменам, по старинке апеллирующие к «царю-батюшке», оказались неэффективными. В этом контексте вопросы подготовки будущих ученых в стенах университетов к участию в общественной жизни и их желательной роли в трансформации общества становятся необычайно актуальными.

Цель этой статьи рассказать о студенческом движении НГУ как части общего оппозиционного движения в Академгородке и показать, что оно было одним из первых прецедентов в стране **оппозиции без диссидентства, самостоятельного движения снизу по самоорганизации и трансформации общественной системы**.

Социальный эксперимент – параметры нашей свободы..

«... в русской истории был прецедент, когда группе активистов удалось создать среду, где вопреки режиму, жить было приятно, весело и интересно. Новосибирский Академгородок, который кто-то из центральных чиновников, проехавшись по институтам и ни встретив там ни тени почтения, в раздражении назвал царством непуганых идиотов, стал той самой социалистической утопией, где люди любили своих соседей и помогали друг другу, а прибыль от инженерных инноваций шла на благие цели.»

Оля Корсун. Гражданское общество, которому суждено было случиться, но ненадолго: Хроники одной утопии: из истории Академгородка.

<http://w-o-s.ru/article/3659>

В нон-фикшн часто смешивают три близ-

ких, но разных понятия: социальный проект, утопический проект или утопия, и социальный натуральный эксперимент. Автор милой заметки об Академгородке, цитируемой в эпилоге к этой главе, назвала его воплощенной утопией. Это вполне понятно, так как в социальных экспериментах часто создают чаще всего благоприятные для развития условия, и тогда он воспринимается наблюдателем как «утопия». Кроме того, даже профессионалы используют иногда слова «утопия» и «социальный проект» как синонимы. [11].

Последним примером такого смешивания понятий является замечательная книга «Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980)». Разница между этими тремя понятиями весьма существенна для нашего разговора, поэтому постараемся различить их, не впадая в излишний академизм. Всякая утопия содержит более или менее очерченный образ и устройство будущего, чаще всего зафиксированные в виде текста. Натуральный эксперимент случается в реальной жизни тогда, когда без предварительного плана складывается уникальное сочетание обстоятельств (факторов), совпадающих во времени и пространстве, или, иначе говоря, специфическая социальная конъюнктура, которая способствует появлению нового, неожиданного социального результата. Особенность натурального в отличие от научного (контролируемого) эксперимента, который всегда содержит в себе определенный проект, состоит в том, что в первом необходимые и достаточные факторы сходятся в одном месте и времени практически случайно и предварительно не зафиксированы, тогда как в научном условия эксперимента контролируются исследователями. Однако для всякого натурального эксперимента можно попытаться задним числом выделить и описать эти факторы с тем, чтобы его можно было повторить.

Соглашаясь с О. Корсун в том, что в городке ненадолго сложилась ячейка гражданского общества, хочу возразить ей, что оно, гражданское общество, вовсе не было запланировано или предвиделось в начале сибирского эксперимента. Вряд ли «отцы-основатели» городка, судя по их собственным мемуарам и выступлениям, думали о городке как оазисе гражданского общества. Лаврентьев и его сподвижники были заражены сциентизмом, т.е. верили, что наука, а вовсе не гражданский

активизм, нужен стране и, в конечном счете, спасет если не все человечество, то, по крайней мере социалистическую систему. НГУ был построен по калькам московского Физико-Технического института (МФТИ, известный также как ФизТех). «Факультет готовил в основном специалистов для фундаментальных ядерных и ракетных исследований. Ученым он был крайне нужен для развития самой науки. Сталину – для научного обеспечения проихводства бомб и ракет.< > В результате факультет получил неслыханную автономию, выходящую за рамки обычных советских стандартов высшего образования. < > Лишь лабораторные работы, экзамены и домашние задания были обязательны, семинары и лекции оставались на наше усмотрение – даже лекции по марксизму...».[12, с. 88-89] Их позицию в отношении сначала МФТИ, а затем и НГУ, слепленного по прообразу МФТИ, М. Майофис и И. Куклин назвали «мобилизационной». «Она предполагала, что математические школы (включая университет– И.Ж.) станут образовательным кластером, нарушающим общие правила и необходимым для решения «прорывных» задач военно-технического развития». [11, с. 308]. Разумеется, ученым в свободное время разрешалась определенная свобода суждений на кухне и в клубах, но не более того. Даже в закрытых послевоенных шарашках (см. «В круте первом» А. Солженицына) сходило с рук вольнодумие, если оно не выражалось в отказе от выполнения государственных заказов.

Неожиданно для создателей городка оказалось, что то, что хорошо для развития науки, хорошо и для формирования гражданского сознания его жителей и развития их как гражданских активистов. Зона, созданная исключительно для научных исследований, оказалась своего рода зоной свободной от идеологического контроля, где советская власть на время ослабила свою хватку. В этой лакуне стала спонтанно складываться самоорганизация, базирующаяся на самостоятельности и солидарности нижних уровней власти с активным населением, на значительном совмещении формальных и неформальных структур. Активная гражданская жизнь оказалась побочным результатом эксперимента по созданию научного городка и университета. Этот побочный процесс я и называю здесь **натуральным (незапланированным) социальным экспериментом**, который сейчас,

пятьдесят лет спустя, представляется даже более ценным, чем основной сибирский эксперимент. Если бы этот опыт по выращиванию гражданского общества, созданный в городке, был расширенно воспроизведен в масштабах страны, а не прерван «на бегу», возможно, что Россия в переломные моменты ее развития могла бы выбрать другую траекторию. Во многих странах мира университеты являются не только центрами научных открытий, но и центрами подготовки агентов социального изменения. В западных университетах все желающие могут взять курсы по формам участия в общественных движениях, по контролю за деятельностью государственных структур и по технологиям общественных изменений. Логично предположить, что тысячи выпускников НГУ, получив опыт гражданского самоуправления в рамках университета и городка, могли бы перенести его в исследовательские и учебные заведения Сибири, куда они были распределены, и тем самым стать закваской, своего рода «гражданским призывом» будущих перемен.

В чем же, на наш взгляд, состояли начальные условия и результаты этого незапланированного социального эксперимента, то есть совокупность факторов, приведших к созданию активной гражданской позиции у студентов университета? Мы попытались реконструировать их из коллективного опыта студентов и профессоров, выраженного в мемуарах, академических статьях и документах. Некоторые из выделенных мною факторов взаимосвязаны или вытекают друг из друга и, в этом смысле не являются вполне самостоятельными. Поскольку этот текст – первая, известная мне, попытка описать социальный эксперимент в нашем городке и, в частности, в университете, то я формулирую факторы пока в их рабочем виде. Одна из задач этой статьи – выделить и назвать их, а уж потом, если получится, проанализировать и упорядочить.

Итак, начальные условия или факторы зарождения и развития студенческого движения в НГУ:

А. Во главу учебного процесса НГУ была поставлена задача воспитания и стимулирования свободного исследовательского мышления и индивидуального развития («Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать»). Как известно, свободное мышление имеет

критический характер и тенденцию постоянно расширять границы возможного, известного, разрешенного, и познаваемого.

Б. Почти сто процентов студентов жили в общежитиях вдали от семей. Это был беспрецедентный случай среди советских университетов. Студентов связывали тесные дружеские связи, среди них сформировалось много пересекающихся кругов единомышленников и групп по интересам. Эти связи не прерывались даже летом: начиная с 1964 года, каждые каникулы студенты самостоятельно формировали отряды на целину и в другие регионы страны или в туристские маршруты. В студенческих коллективах произошло совмещение (сближение) формальных и неформальных лидеров, возникла своя система ценностей, своего рода **корпоративный дух и кодекс**. В общежитиях, библиотеке и столовой, при формировании стройотрядов действовало самоуправление, которое поощрялось комсомолом и партийной организацией. В результате, студенческий контингент, несмотря на его естественную текучесть, превратился в **сообщество** со своими ценностями и нормами поведения. Это не была еще студенческая корпорация в дореволюционном понимании, однако принадлежность к НГУ создала своего рода **социальную общность** и объединила нас на всю оставшуюся жизнь. В университете не было довольно распространенного в других местах отчуждения от своих профессоров и администрации, студенты были солидарны с ними по многим вопросам, добровольно ходили советоваться в трудные минуты, и, в отдельных ситуациях, о которых мы будем говорить дальше, сами приходили к преподавателям на помощь. В свою очередь, несколько профессоров приходило по собственной инициативе на студенческие сборища. Столь тесные отношения между этими двумя группами существовали в лучших университетах России до революции, эта традиция, разрушенная в советское время, возродилась в НГУ.

В. НГУ задумывался как «**университет нового типа**».. С некоторым упрощением можно сказать, что университет нового типа – это то, что сейчас называется исследовательским университетом. Концепция имела некоторые дополнительные черты в реалиях конца 1950-х, которые важны в контексте нашей истории. Благодаря личным связям основателя Сибирского отделения Академии Наук (СОАН) М. А. Лаврентьева с Н. С. Хрущевым

и с Министерством просвещения СССР, НГУ в его начальный период обладал почти беспрецедентной автономией по сравнению с другими советскими высшими школами (даже в сравнении с ФизТехом). Близость НГУ к руководству СОАН давала ему относительную самостоятельность по отношению к областным и городским властным структурам. В трудных ситуациях университетское руководство нередко напрямую апеллировало к президиуму СОАН или к отдельным представителям академической элиты. НГУ строился и развивался по своей собственной траектории.

Назову несколько черт, делающих опыт обучения и жизни в нашем университете уникальным. НГУ был освобожден от соблюдения многих правительственных и министерских нормативов, в частности, от минимальных объема педагогических поручений преподавателей и соотношения преподавателей и студентов. На практике это означало, что среди преподавателей было много совместителей, что они не занимались «воспитательной» работой (так назывались политинформации и собеседования); что отношения между профессорами и студентами были менее формальными, а дистанция меньше. Университет также имел большую свободу в подборе своих кадров: на работу принимались даже «опальные», репрессированные или «неблагонадежные» профессора, если они были первоклассными учеными. Среди них были: бывший политический заключенный, член «группы Краснопевцева», впоследствии великий историк Н. Н. Покровский; знаменитый физик Б. Ю. Румер, который, как говорят, отсидел срок вместо Ландау и еще недавно работал дворником; Танкред Голенпольский, который родился в Китае, в возрасте 16 лет репатрировался в группе российских детей из Харбина после войны и в 1960-х основал отделение новой тогда науки математической лингвистики в НГУ, и другие.

НГУ оказался привлекательным местом для ряда профессоров и аспирантов из Москвы и Ленинграда с либеральными взглядами и протестными настроениями. Для многих из них наш университет было не столько почетной ссылкой или эмиграцией внутри страны, сколько местом, где они могли свободно продолжать свою профессиональную деятельность и жить в согласии со своими убеждениями.

Для НГУ были сделаны и другие послабления, которые можно увидеть на примере гуманитарного факультета. В момент создания факультета в 1962 г., в него, в первый раз в СССР, **не** были включены обязательные для такого факультета специальности «марксистско-ленинских» дисциплин. Курсы для студентов по этим дисциплинам были обязательны, однако специалистов по ним не готовили, а потому число преподавателей и ученых советов по идеологическим дисциплинам было пропорционально меньше, чем в других вузах.

В университете преподавались принципиально новые научные подходы к традиционным наукам и совершенно новые дисциплины, в том числе, «ошельмованные» в тот период, такие как: кибернетика, социология, математическая лингвистика, генетика, этнопсихология, и т.д. В стране еще не выделили организационно и предметно как самостоятельную дисциплину социологию из марксизма-ленинизма, а на экономическом факультете НГУ уже читали по ней курсы, вовлекали студентов в факультативные семинары, разрешали стажировку и написание дипломных работ. Почти все курсы в университете являлись оригинальными, авторскими и базировались на специальных разработках, особенно в новых областях науки. [14, с. 136]. Так, например, замечательный физик-ядерщик Г. И. Будкер написал свой собственный экспериментальный курс: он читал теорию относительности уже на первом курсе физфака и студенты легко овладевали ею, тогда как в МГУ эту теорию читали только на третьем курсе. «Г. И. Будкер и Б. В. Чириков построили курс общей физики, который является, по-видимому, самым современным в мире...» [13, с. 101-102]

Г. Упомянутый выше гуманитарный факультет (ГФ) сыграл решающую роль в формировании студенческого движения. Как сформулировал один из педагогов и создателей этого факультета Л. Ф. Лисс: «ГФ, выражаясь молодежным сленгом, буквально «нарывался» на то, чтобы быть изъятым из НГУ как политически неблагонадежный. Более того – как оказывающий негативное идеологическое воздействие на студентов других факультетов». [14, с. 136]. Для такого суждения было достаточно оснований. Несколько студентов ГФ сформировали идеологический центр будущего студенческого движения (см. следующую главу «История студенческого движения в НГУ по Дорошенко»).

Д. В первое десятилетие городка роль партии, КГБ и других органов, призванных осуществлять идеологическое воспитание и контролировать поведение ученых и студентов, была минимальной. Так, например, в Институте ядерной физики, где, между прочим, было самое большое число гражданских активистов в городке, в КПСС состояло меньше пяти процентов научных работников и директор был беспартийным.

В университете была почти та же самая ситуация. Кроме того, КГБ не успел еще выстроить в полной мере систему рекрутирования «добровольных» помощников среди студентов, аспирантов и преподавателей. В партийные органы университета и факультетов входили люди, которые фактически поддерживали и даже лично участвовали в студенческих политических и образовательных акциях: диспутах, собраниях, неформальных семинарах, суде над антисемитами и т.д. До определенного момента в университете **отсутствовала цензура** стенной печати, клубных диспутов и вечеров. В нем фактически действовал **уведомительный**, а не **разрешительный принцип** в отношении общественной жизни.

Е. Студенты жили не на острове, они были погружены в атмосферу «взрослого» городка, в его особую систему профессиональных, культурных и политических ценностей. В Академгородке возник особого рода научный этос, который детально описан в работах Н. А. Куперштох и Е. Г. Водичева. [15, 16].

Студенты делили с взрослым населением не только их отношение к науке, но и их культурную среду: выставки, кино клуб, концерты, лекции, уличные развлечения и праздники. Между университетом и остальным населением практически не было стены. Многие из политических тем, обсуждаемых в институтах, открыто обсуждались и в университете. К студентам попадали от взрослых товарищей запрещенная литература (самиздат), зарубежная музыка, периодика и кино...

Ж. Еще одним фактором эксперимента является необычно высокая концентрация в одном месте талантливых, неортодоксально и независимо мыслящих людей среди преподавателей, аспирантов и студентов. Не забудем, что одаренных детей для университета искали по всей Сибири, а кроме того, туда добровольно приехали наиболее амбициозные студенты и ученые из двух столиц и европейской части России.

З. Последний, и возможно самый главный, фактор данного натурального эксперимента – новая социальная конъюнктура в стране. После XX съезда, на котором, пусть и в обстановке секретности, был прочитан доклад о преодолении культа личности и ГУЛАГе, в партийных и карательных органах царила временная растерянность относительно критериев опознания и методов преследования инакомыслия. Они находились в процессе пересмотра своей «классификации» протестного поведения. После XX съезда КГБ испытывал определенную растерянность перед нахлынувшим потоком студенческого брожения. Старый репрессивный аппарат, заклеянный Н. С. Хрущевым, в новом курсе страны был неприемлем, необходимо было разработать новый. Выработка курса ускорила событиями в Венгрии и Польше, результатом явилось закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», разосланное в партийные организации на местах. Фальсификация поводов для политических преследований ушла в прошлое, объектом таких преследований стали те или иные реальные действия. «При этом перед разработчиками новой внутренней политики стал ряд вопросов: какие именно действия и высказывания следовало считать поводом для репрессивных мер, их внутренняя классификация («враждебные вылазки», «вредные проявления», «антисоветская агитация и пропаганда» и т.д. [17] Вот почему, не только в НГУ, но и в других университетах за отклонение от официальной линии партии не сажали, а только предупреждали и ставили черные метки в личных делах. Как высшая мера для наиболее «непослушных» студентов практиковалось исключение из университета с возможным последующим восстановлением.

Подведем итог сказанному и перечислим описанные выше начальные условия незапланированного эксперимента, приведшие к развитию активной гражданской позиции у студентов университета: установка на развитие свободного исследовательского мышления, самостоятельность и индивидуальное развитие; компактность проживания и высокий интеллектуальный уровень студентов; университет нового типа и его автономный статус; корпоративный дух студенчества и их солидарность с преподавателями в поддержании

автономии университета; влияние активной гражданской жизни в городке; новая социальная конъюнктура в стране, включая временное ослабление и дезориентация идеологического контроля после XX съезда. В следующих главах мы опишем к каким результатам привело это стечение обстоятельств.

История студенческого движения в НГУ по Дорошенко

Как уже сказано, первым о студенческом движении НГУ написал выпускник гуманитарного факультета Виктор Дорошенко (годы учебы 1962-1965, 1967-1969). От также был одним из лидеров движения, поэтому будет правильно начать наш рассказ с его видения событий. Версия Дорошенко будет дополнена во второй части свидетельствами других участников движения.

Данная версия истории студенческого движения в НГУ составлена на основе моей переписки с Дорошенко и его публикаций. [5,8]. Виктор любезно дал мне разрешение использовать его заметки в будущих публикациях. Я сопроводила его текст, где нужно, своими вопросами к нему, отступлениями и пояснениями.... В тексте есть некоторые повторы, т.к. мы иногда возвращались к некоторым темам, стараясь дополнительно прояснить их. Высказывания Дорошенко закавычены, стиль и лексика сохранены.

Когда вы заинтересовались политикой?

«Обучаясь в 9-м, 10-м классах, я стал известным среди молодёжи небольшого тогда города Юрги. В школе мною с друзьями < > была создана контрольная комсомольская комиссия, узурпировавшая полномочия школьного комитета комсомола для активизации комсомола, а в городе нами была создана комсомольская ученическая дружина из учащихся трёх школ и ПТУ. Во всей этой общественной деятельности я играл роль идеолога, редактора стенных газет.

< >... едва вступив в комсомол в 8-м классе, я поставил себе целью стать сознательным комсомольцем и принялся за чтение трудов классиков марксизма-ленинизма. Но работы К.Маркса и Ф.Энгельса мне тогда оказались непонятными. Перешёл на работы В.И.Ленина – тоже непонятно. Понятными были работы Сталина, и до окончания школы я прочёл 13 его томов и 10 томов Лени-

на коричневого издания. На первом, втором курсах гумфака НГУ я дочитывал Ленина уже в синем издании и перешёл к сочинениям Маркса – Энгельса, которые закончил читать на 3-м курсе....».

Что послужило начальным импульсом, завязкой студенческого движения?

В 1962 Виктор Дорошенко поступил в НГУ на гуманитарный факультет и присоединился к тайному политическому кружку старшекурсников мехмата. Однако тайные формы оппозиции казались ему не только опасными, но и, в конечном счете, бесперспективными. Разговаривая летом между первым и вторым курсом со своими товарищами по Томскому университету, которые также создали тайную оппозиционную организацию, Дорошенко сформулировал программу своей будущей деятельности так: «Я говорил им, что вы можете сделать? Вы можете только создать программу перестройки своего сознания.» [5]

Вернувшись после лета на второй курс он создал в начале 1964-го свой кружок.

Чем занимался ваш кружок, в чем состояли его задачи?

«За основу нашего нового политического мировоззрения (в кружке – И. Ж.) мы приняли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата должна была быть направлена не только против свергнутых классов, но и против чиновничества своего государства. Это – тезис К. Маркса. В Парижской коммуне он не очень выразился за краткостью её существования, но имел огромное политическое значение в том, что Маркс назвал полугосударством диктатуры пролетариата. Про это Ленин писал в «Государстве и революции» и ещё точнее в «Синей тетради», изданной под названием «Марксизм о государстве».

...«Мы точно уложились в поставленную задачу: дали социалистическую парадигму против КПСС. Цель заключалась в ослаблении государства для развития социализма. Диктатуры пролетариата в России в принципе никогда не было из-за слабости, недоразвитости этого самого пролетариата, и власть от его имени взяла партия. За ней-то и требовалось по теории Маркса установить диктаторский контроль рабочего класса. Но некому было, особенно в той гражданской войне. А после этой внутренней войны за власть партия как победитель стала недостижима для любого класса общества. Отсюда первоначально культ

партии, а потом культ её лидера. В общепринятой терминологии – это тоталитаризм. Что осталось наиболее страшным, так это русские традиции тоталитарности с эпохи татарского ига, а позже – с опричнины Ивана Грозного. Вместо полугосударства, как на то рассчитывал К. Маркс, большевики создали сверхгосударство. Эти традиции действенны и сейчас.»

...«Доклад [«От революции – к культу» – И. Ж.] занял девять рукописных страниц и был фотографически размножен в одиннадцать экземплярах. ... с десятью экземплярами я вернулся к октябрю в Академ.»

...«Я выступил с докладом 14-го октября (1964, день смещения Н.С. Хрущева со всех должностей – И. Ж.). Но какова была обстановка? Мы назначили заседание ОПК, кажется, на 7 вечера. К семи пришли наши активисты с гумфака < >, а также < > с мехмата, несколько студентов с физфака, естфака, а потом в аудиторию повалили молодые научные сотрудники Академгородка. Мы к этому совершенно не были готовы. Наша замдекана, Анна Наумовна Соскина < >, бегала по коридору около аудитории № 425, где мы собрались, и причитала: “Отмените. Разойдитесь. Так нельзя. Сегодня нельзя.” В аудитории, рассчитанной человек на 50, собралось свыше сотни. Кто-то, я так и не знаю кто, развесил объявления о нашем заседании по Академгородку и, кроме примерно 50-ти студентов, в аудиторию набилось столько же молодых научных сотрудников из институтов Академгородка. Стояли у стен как на концерте. Анна Наумовна осталась в дверях, и за нею ещё несколько человек.»

< > «Потом мне пришлось много раз повторять основные положения доклада в разных компаниях студентов, а позже – и научных сотрудников. Наша идеология была легко принята и широко распространилась в университете и по Академгородку. Следующее заседание ОПК было назначено через неделю.»

< > На этом заседании ОПК аудитория была нормальной, около сорока студентов разных факультетов, но большинство с гумфака. На следующих заседаниях ОПК, их состоялось ещё около пяти, прорабатывались “Государство и революция” и “О государстве”.»

«В то же время основные положения доклада и комментарии к нему были изложены в первом номере стенной газеты “Треугольник”, которую начал выпускать ОПК. Первоначально редакция стенгазеты состояла из Миши Яроцкого, Эры Севостьяновой и меня, потом она ме-

нялась много раз. Таким образом, мы создали и распространили в НГУ нашу идейную основу.»

Преследовали ли вас за доклады, которые вы сделали на ОПК, а затем в других аудиториях?

«Дней через десять после доклада меня вызвали на заседание парткома университета....»

< > Там за длинным столом сидели В. Н. Борисов, тогдашний секретарь парткома НГУ, зав. кафедрой марксистско-ленинской философии Б. М. Шерешевский, член парткома и бюро обкома партии, и ещё кто-то. У меня сразу же спросили текст доклада. Текста у меня с собой не было. Я ответил, что он дома. Спросили, сколько экземпляров? 9, ответил я. 10-й экземпляр в то время я дал нашему декану, член-корреспонденту АН СССР А. В. Аврорину (только этот экземпляр у меня и сохранился). Велели привезти все экземпляры...

< > Допрашивал меня в основном Шерешевский < >, Борисов иногда бубнил и что-то мычал, а третий сидел молча. Шерешевского в университете боялись. Прибыл он в НГУ из Читы, где (как говорили студенты – И.Ж.) посадил несколько десятков человек в сталинские времена. < > Основные положения моего доклада члены парткома знали по публикации в “Треугольнике”.

– Вырвать из Ленина кусок, вырвать из контекста, исказить, – шипел Шерешевский, – так поступали все враги народа. Выгнать из комсомола.

< > Первые полчаса на парткоме я испугался. Потом они устроили перерыв на перекур. Я вышел, бродил по холлу университета сам не свой, но постепенно успокоился к тому времени, когда меня вновь позвали на партком.

– Кто тебя этому научил? Кто делал фотокопии доклада? – допрашивал Шерешевский.

Я ответил, что фотокопии доклада мне помогали делать мой дядя, старший оперуполномоченный КГБ, что фотокопии сделаны для преподавателей. Аврорину я уже дал экземпляр и ещё двум преподавателям пообещал. Учили меня университетские преподаватели. Я повторил этот доклад на семинаре по научному коммунизму, и мне за него поставили пятёрку, и никто не говорил, что я что-то надёргал, вырвал из контекста. Никто не обзывал меня врагом народа.

– Мы внимательно ознакомимся с вашим текстом, – сказал Борисов. – А тогда и решим, что с вами делать.

– Я с тобой ещё поговорю, – пообещал Шерешевский, но он так и не поговорил...

< > На этом тогда всё и кончилось. Какое решение они потом приняли, я так и не знаю. Из комсомола меня не исключали, даже выговора не было. Я продолжал учиться. Студенческое движение бурно разрасталось. И на партком меня больше не звали. А летом меня исключили из университета за несданный английский с формулировкой “за академическую неуспеваемость”. Но, полагаю, что так решили всё-таки не они, через девять-то месяцев. И исключили как-то странно, оставив меня в общежитии и со всеми студенческими документами. Через два года, летом 1967-го г. о решении восстановить меня в университете мне сообщила 3-й секретарь горкома КПСС Шавалова. Так тогда дела делались.»

«Несколько слов о наших гонителях. Основным гонителем, конечно, было партбюро, но за их спинами стоял КГБ. Мы были окружены стукачами, некоторые сами нам в этом признавались. Среди студентов это были ребята, рано попавшие в КПСС. Кроме того, кафедры общественных наук: истории КПСС, марксистско-ленинской философии, научного коммунизма. Преподаватели этих кафедр были обязаны стучать, хотя не все это делали.»

«Некоторые преподаватели намеренно вызвали студентов на откровенность на семинарах с тем, чтобы потом донести на них, завербовать и сделать стукачом.»

«Позиция студенческого движения относительно официальной идеологии была выработана однозначная: идеологию знать, сдавать и не дискутировать со штатными идеологами.»

В связи с докладом «От революции – к культуре» Дорошенко также пригласили прийти в КГБ. Он отказался явиться туда добровольно, т.к. не видел предмета для разговора: “Разговаривать по хорошему мне с вами не о чем. Они поняли и больше не приглашали”.» [5]

С момента опубликования доклада Дорошенко и его кружок были окружены пристальным вниманием идеологических органов. Сам Дорошенко считает, что он был отчислен из университета на два года именно потому, что отверг сотрудничество с органами.

Некоторые из его гонителей продолжали работать в университете в городке и тридцать лет спустя. В этом, наверно, и была главная причина того, что Дорошенко считал, что для

него время писания истории студенческого движения еще не пришло.

Была ли у движения определенная социальная позиция, каковы были цели и формы общественной деятельности?

Личная безопасность и возможность заниматься наукой являлись одними из главных ценностей нашего поколения студентов и профессоров. Многие на своем личном опыте или опыте своих семей убедились, что публичная общественная деятельность наказывалась годами потерянной жизни и/или отлучением от образования и профессии.

Формулируя цель студенческого движения, Дорошенко вряд ли мог открыто предложить изменение политической системы в обществе, а только лишь «перестройку собственного сознания»...

«Этап широкого организованного студенческого движения приходится < > на 1964—1967 годы. В этот период были найдены его формы, возможные при тоталитарном режиме, т.е. обеспечивающие как оппозиционность, так и продолжение учебы без репрессий для большинства участников. Эта форма не была тайной, подпольной, революционной организацией, что было характерно для студенческих организаций Томска и Ленинграда, но и не была полностью явной, открытой, а сохраняла за внешним внутреннее и ротацию на протяжении четырех учебных лет».

Дорошенко самостоятельно пришел к такому пониманию оппозиционности в советском обществе. Однако он был не одинок в этом. Более того, «перестройка личного сознания», «выработка собственного мировоззрения» вместе с отказом от участия в прямом социальном действии, стали основной формой оппозиционности интеллектуального класса России того времени. [18, 19]. Независимо друга от друга несколько неофициальных интеллектуальных лидеров советского общества сформулировали аналогичную философию политической активности, согласно которой вся активность должна была осуществляться в мышлении (другой вариант – в мыследеятельности). Один из них, философ Г. П. Щедровицкий, который кстати посещал Академгородок с лекциями в 1964, ставил задачей своего московского неформального семинара **создание мыслящего класса.** [20]

Когда же в начале 1990-х в стране наступил критический момент слома власти и подошло время действовать, бывшие студенты 1960-х, а в период перестройки уже академические работники и преподаватели вузов, активно ввязались в политическую жизнь. История политических клубов Москвы и других академических городов, среди участников которых были и бывшие жители новосибирского Академгородка, показала неспособность «мыслящего» класса заручиться поддержкой широких слоев населения и удержать власть в своих руках. Одна из причин этого, на мой взгляд состоит в том, что **навыки и принципы мыслительной деятельности, будущи ценными сами по себе, не заменяют практических навыков общественной и, уже, политической деятельности.** Может быть именно из-за узкой концентрации на «изменении сознания» интеллектуальный класс на крутых поворотах истории России, показал себя неспособным и неоспособленным действовать, оказался в одиночестве и не был поддержан другими социальными слоями. Выяснилось, что России нужен не только «мыслящий», но и «действующий» класс. Я имею в виду прежде всего лидеров разного уровня, которые овладели практическими навыками социального действия и социального изменения. Разговор о том, «что делать» интеллектуальному или «мыслящему» классу в обществе продолжается уже ни одно столетие, однако в силу своей масштабности выходит за пределы нашей статьи.

Было ли студенческое движение именно движением, была ли у него «невидимая рука», или иначе, какова роль актива в организации студенческого движения в НГУ?

«Актив студенческого движения никогда не формализовался ни по составу, ни по принимаемым решениям, иначе он перестал бы быть “невидимой рукой” и, в конечном счете, для КГБ. Не было и слов “актив студенческого движения”, поэтому попадавшие иногда на наши встречи стукачи не сознавали, в чем они участвуют. Я обсуждал конкретные дела студенческого движения с людьми, влиявшими на эти дела.< > Реально это выглядело, как беседы трех-пяти человек. Общих собраний актива в двадцать человек я не помню. Вероятнее всего, их вообще не было. При этом я не пытался контролировать все формы студенческого движения и быть знакомым со всеми инициаторами.»

«Актив не столько придумывал и предлагал новые формы движения, сколько поддерживал возникшие стихийно, распространяя их на весь университет, интеллектуально выясняя значение этих инициатив. Так было и с Клубом студенческой инициативы на мехмате, и с другими разовыми или продолжающимися акциями».

«В сложных случаях определения характера мероприятия устраивалось обсуждение на активе (В. Бородихин, В. Дорошенко, В. Дубровин, и др.). Помню один из таких случаев: обсуждение организации первой маёвки. Я и В. Дубровин, кажется, выступили против маёвки как пропагандистского мероприятия, а Володя [Бородихин – И. Ж.] и большинство актива – за маёвку, которую следовало превратить в студенческий праздник. Меньшинство подчинилось большинству, но я оставался критически настроенным к маёвкам. Как показал 50-летний опыт, превращать пропагандистское шоу в свободный праздник удавалось далеко не всегда.»

«Студенческое движение создавалось и осуществлялось именно как движение с характерной и необходимой неформальностью, рыхлостью. Оно было организовано, но момент организованности я сознательно минимизировал. Я был противником тайных заорганизованных форм: тайного политического кружка на мехмате в 1963 г., тайного комсомола в 1968-69 гг. Организованность мне заменяли личные дружеские отношения. Это и стало одной из причин того, что КГБ “проглядел” студенческое движение, и того, что через четыре года студенческое движение сошло на нет.»

Каков по вашему был масштаб студенческого движения?

«В руководстве разными формами студенческого движения – общественно-политический кружок (ОПК), дискуссионный клуб, стенгазета “Треугольник”, кино клуб, Клуб студенческой инициативы, социологический кружок – участвовали примерно 20 человек, идейно связанных антитоталитарной позицией и координацией своих действий. Общая численность студентов, принимавших участие в организованном движении, колебалась от 100 до 300 человек, а в некоторых акциях (бойкот столовой или выборы – И. Ж.) принимало участие большинство студентов НГУ».

Добавлю, что в митингах и других массовых мероприятиях участвовало более 500 человек. Это максимум людей, который могли вместить наши самые большие аудитории, если люди заполняли проходы и сидели на подоконниках.

Была ли у студенческого движения единая идеология или каковы идейные позиции движения?

«Особую сложную проблему для историка представляет воссоздание идейной позиции студенческого движения 60-х годов. Эту позицию вряд ли стоит рассматривать как целостную идеологию или как только идеологию, но было бы неверно и сводить ее к антиидеологизму. Идейные искания являлись главной задачей начального этапа студенческого движения, т.е. 1963—64 годов и определились в докладе “От революции к культуре”. И позже идейная работа продолжалась, и кое-какие документы о ней сохранились».

«Именно идейная определенность позволила развернуть широкое организованное студенческое движение в НГУ и сохранять его редкостно длительный период в тоталитарных условиях. Эта идейная позиция была противоположна официальной идеологии тоталитарного режима, но также противоположна и революционной идеологии тайных студенческих организаций типа томских «Фиделитов». Наша идейная позиция ориентировала студентов не на подготовку восстания против режима, что было бессмысленно в тех исторических условиях, но и не на согласие с режимом, а **на выработку собственного мировоззрения, нравственной позиции, на учебу и подготовку к жизни в сложных политических и социокультурных обстоятельствах** (выделено мной – И. Ж.). Характерен и достоин внимания тот факт, что никто из активных деятелей студенческого движения в НГУ той поры не занял позже видного места ни в коммунистической, ни в нынешней политической иерархии — не обмарались».

Как видно из этой цитаты, Дорошенко говорит больше об идеологических взглядах своего кружка, чем остальных участников движения. Дополнительная информация по заданному выше вопросу может быть найдена в следующей части где будут названы конкретные темы, волновавшие студентов НГУ, в том объеме, в котором мы смогли найти их в

настенной печати, в темах дискуссий и выступлениях в клубах и на семинарах..

Идеология движения была фрагментарной, если не сказать эклектической. Но другой она и не могла быть в общественном движении, куда различные участники приходят со своими взглядами и своим индивидуальным уровнем образования и понимания политических вопросов.

То, что Дорошенко кажется достижением, а именно, что никто из наших выпускников не занял видного места в политической иерархии (за исключением административных должностей в науке), не кажется мне таким уж очевидным достоинством нашего движения. Однако надо принять во внимание, что наше движение было остановлено рядом «профилактических» мер. Многие из лидеров были надолго отлучены от публичной активности. Кроме того, сосредотачиваясь на собственном мировоззрении, никто из нас толком не задумывался о возможности реальных социальных изменений «снизу вверх» и, тем более, **о стратегии, тактике и необходимых навыках социального действия, приводящего к желательным изменениям.**

Каковы были отношения между комсомолом и студенческим активом? Когда и почему возник кризис в их отношениях?

«Характеризуя движение, я уже отмечал, что оно разворачивалось при комсомольской организации университета, но сама эта организация была аморфна. На апогее развития движения в 1966-м г. между движением и организацией обозначился кризис. Проявлением кризиса стала университетская комсомольская конференция, признавшая работу комитета ВЛКСМ НГУ неудовлетворительной. Что же произошло?

Само появление и развёртывание студенческого движения из общественно-политического кружка и стенгазеты “Треугольник” < > свидетельствовало о политическом запросе студенческой молодёжи. Комсомол этого запроса не удовлетворял. Студенческое движение развивалось не как политическое, ни в коем случае, а как общественное, но в нём постоянно была заметна яркая идейная и политическая составляющая в дискуссионных клубах и оппозиционных действиях. У комсомола же не было никакой внятной идеологии ни на уровне университетского комите-

та, ни на уровне центрального комитета (ЦК ВЛКСМ). Да, что там говорить о комсомоле, когда и партийные лидеры (Н. С.Хрущёв, Л. И. Брежнев) перестали быть идейными вождями, бывшие сталинские “заведующие”.

Большинство активистов студенческого движения составляли комсомольские лидеры нижнего звена: Володя Бородихин – секретарь бюро ВЛКСМ мехмата, Слава Дубровин – секретарь бюро ВЛКСМ физфака, да и сам я был членом бюро ВЛКСМ гумфака. Правда, изредка встречались и такие активисты, которые не были комсомольцами. Например, Виктор Матизен, создатель студенческого киноклуба (Кадр – И. Ж.). < > Когда движение только зарождалось в 1964-м г., комитет ВЛКСМ НГУ воспринимался как высшая комсомольская инстанция в университете. В 1965–1966 гг., когда движение развернулось и окрепло во всё новых направлениях и формах самодеятельности, безынициативный комитет ВЛКСМ НГУ стал восприниматься как бюрократическая проформа, “контора”. Ни сам комитет, ни его секретарь Геннадий Швецов хуже не стали, но требования к ним возросли. Стало очевидно, что комитет не отвечает ожиданиям студентов.

В то время я был уже исключён из состава студентов, хотя оставался проживать в студенческом общежитии, и осенью 1965-го г. был принят на работу в институт истории в отдел археологии лаборантом (камеральные работы, мыл “черепки”, фрагменты керамики, описывал их и нумеровал, склеивал сосуды), но по-прежнему занимался студенческим движением.

Осенью примерно за неделю до конференции Володя Бородихин сказал мне, что комсомольцы мехмата недовольны комитетом комсомола НГУ: никакой инициативы, в организации стройотрядов, их работы и оплаты множество недостатков, накладок. На “целине” было здорово во всём, что не относилось к организации. Володя в то лето ездил командиром “целинного” студенческого стройотряда. Комсомольское собрание мехмата высказалось против комитета.

Тогда я встретился со своим другом Славой Дубровиным, секретарём бюро ВЛКСМ физфака. Он мне рассказал примерно то же. Встретились все вместе, решили выступать на конференции с критикой комитета. Володя и Слава подготовят свои выступления и ещё по одному выступающему с их факультетов. После этого я сходил в общежитие естфака и

проинформировал их секретаря, девушку, как-то, о принятом решении. Она заволновалась, но тоже поддержала.

Откровенно говоря, мне не хотелось выступать против комитета, привлекать внимание со стороны к студенческому движению, но и глушить инициативу я не мог. Предложил Володе баллотироваться в секретари комитета комсомола НГУ, но он категорически отказался, сначала сославшись на учёбу, а потом признался, что влюбился и женится, так что общественную работу придётся сворачивать.

На конференции в большой аудитории, как обычно, сначала выступил секретарь комитета комсомола НГУ Геннадий Швецов с докладом о работе. Доложил, что всё нормально. После этого выступали делегаты от факультетов и “разнесли” доклад Г. Швецова. Было шумно. Значительным большинством голосов конференция оценила работу комитета ВЛКСМ НГУ как неудовлетворительную. Я присутствовал на той конференции, хотя права на это не имел.

После конференции отношения комсомола и студенческого движения остались прежними. Секретарём комитета комсомола НГУ был избран Николай Соловых, человек более формальный. Из ЦК ВЛКСМ приезжали с проверкой, но ничего особенного не обнаружили. Да и проверка-то была формальной, бессмысленной, т. е. никакой существенной информацией КГБ их не снабдил. Тогда меня приглашали в райком комсомола на беседу с одним из представителей ЦК. Он нёс какую-то ахинею о зелёных насаждениях. Какие насаждения в Академгородке?! (Академгородок утопал в лесу – И. Ж.) Лес бы не вырубали. Говорить ему о студенческом движении я, конечно, ничего не стал.»

«Неудовлетворительная оценка работы комитета ВЛКСМ университета по тем временам была крупной политической акцией. Она свидетельствовала о том, что комитет уже не контролирует положение в организации, что большинство делегатов конференции пошли за движением. Из ЦК ВЛКСМ в НГУ приезжали Ганичев, один из руководителей ЦК, и ещё кто-то (забыл фамилию). Именно неудовлетворённость комсомолом и позволила осуществить неформальное студенческое движение. Оно было направлено на обеспечение самодеятельности студенчества в общественной и культурной жизни университета. Сейчас бы мы сказали о правах студентов, но тог-

да закрытое рассмотрение “Декларации прав человека” на активе студенческого движения привело к отказу от неё. Это происходило после моего восстановления в университете в 1967 г. Я предлагал широкое обсуждение “Декларации” в политических дискуссиях, но при всей своей оппозиционности мы оставались ещё очень советскими, и большинство актива заклеило “Декларацию” как буржуазную.»

Здесь надо отметить, что еще до нашего университетского собрания в 1966 г. аналогичные заявления по поводу комсомола делались на районной конференции ВЛКСМ в Академгородке. В. Н. Ганичев, Зав отделом пропаганды и агитации ЦК ВКСМ, 1965-67, кандидат в члены бюро ЦК ВЛКСМ, приезжал, в основном, потому, что районные конференции Советского района в декабре 1965 г. и марте 1966 г. ставили вопросы об неудовлетворительной работе комсомола. Впервые весь состав нового бюро райкома комсомола Академгородка стал реформаторским. Однако эта конференция не приняла столь кардинальное решение, как признать работу райкома неудовлетворительной. [21].

«Академик А. Д. Александров, секретарь парткома НГУ (1965-1967) в то время, ругал нас и меня, в частности, за то, что мы не выдвинули на той конференции своего лидера в секретари комитета комсомола НГУ, не довели дело до конца. Признаться, мы не считали это важным, держались за свою оппозиционность, обеспечивавшую нам поддержку студенчества.»

Как, когда и почему закончилось студенческое движение?

«После 1968 года неформальное студенческое движение пошло на спад. Последним всплеском была подпольная комсомольская организация, существовавшая в конце 60-х – начале 70-х годов (о ней см. дальше – И. Ж.). После 1968 года стало появляться отчуждение

между студентами и преподавателями. Студенты даже не знали, что некоторые преподаватели выступали против событий в Чехословакии. (ввода советских войск – И. Ж.)».

«Завершающий этап организованного, оппозиционного, студенческого движения был сложен и продолжителен. Было ли оно разгромлено? Да, но его громили с самого начала, и такой особой акции, как погрома общественного движения в Академгородке в 1968 году, в университете не было. Громили преподавателей-“подписантов” (см. главу “Сорок шесть” в части 2); искали студентов, писавших по ночам лозунги на стенах, но к студенческому движению в целом это уже не относилось. Вообще же, я считаю последним годом организованного оппозиционного студенческого движения 1967--68 учебный год. В это время распадается руководящая группа и межфакультетская связь, теряется инициативная, авангардная роль оппозиционного актива, проявляется деятельность одиночек и малых конспиративных групп. < >... осенью 1968-го года студенческое движение организованной целостности собой уже не представляло.»

Изложенная выше версия истории студенческого движения в НГУ принадлежит одному из организаторов и идеологов движения в НГУ Виктору Дорошенко. **Насколько она полна и верна?** Я обратилась к своим студенческим товарищам с просьбой написать, что они помнят об этом периоде. Многих из нашей когорты уже нет с нами. Не всех из живых удалось найти и все же мне удалось дополнить мои собственные воспоминания многими интересными фактами и оценками моих товарищей В следующей части собраны вместе и обработаны их ответы об основных направлениях и формах студенческого движения, а также проанализирован характер студенческого движения НГУ.

Библиография:

1. В. С. Сергеев. «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева – Л. Ренделя. 9 с. <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=69>.
2. Ольга Герасимова. Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-е – середине 1960-х гг. Диссертация... М., 2008. С. 82-92. <http://warianty.blogspot.com/2010/04/blog-post.html>
3. Р. И Пименов. Воспоминания. Манускрипт. М.: Панорама, 1996. 435 с.
4. Л. Бляхер. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.

5. «Молодые выступанты» в Дискуссионном клубе. Выступление преподавателя ФМШ В. Л. Дорошенко. Университетская Жизнь. № 5(466), 25 февраля 1995. с. 3.
6. М. В. Шиловский. История университетского вольнодумия. За Науку в Сибири. № 42, 1997. С. 11.
7. Г. А. Швецов. Осторожно! История! За Науку в Сибири. № 1, 1998. С. 2.
8. В. Л. Дорошенко. К истории студенческого движения в НГУ в 60-е годы. Наука в Сибири. № 9-10, 13 марта 1998 г. www.sbras.ru/HBC/hbc.phtml?22+173+1.
9. А.Г. Борзенков. Молодежь и политика: Возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961-1991 гг.). В двух частях. Изд. второе, стереотипное. Новосибирск, НГУ: 2003. 242+245 сс.
10. О времени и о себе. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 2-е изд., исправ. и доп. 824 с. http://www.phys.nsu.ru/ff1968/Book/Book_2_%201963_opt.pdf
11. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е). Москва: НЛО, 2015. 716 с.
12. Юрий Орлов. Опасные мысли. М.: Захаров, 2008. С. 34.
13. И. Ф. Гинзбург. Мои воспоминания // В кн. О времени и о себе. 15 с. <http://ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf>
14. Л.Ф. Лисс. Из воспоминаний об истории гуманитарного факультета НГУ. Идеи и идеалы. № 2, Т. 2, 2013. с. 128-142.
15. Е. Г. Водичев, Н. А. Куперштох. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы. 16 с. <http://www.km.ru/referats/675E1D18315E4C66BB168B3520EB18CE>
16. Е. Г. Водичев, Н. А. Куперштох. Формирование этоса научного сообщества и его эволюция в 1960-е гг. (на примере Новосибирского научно-го центра) // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2001. 143 с.
17. Геннадий Кузовкин. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели». 30 с. <http://www.memo.ru/library/books/korni/chapter10.htm>
18. Александр Архангельский. Документальный сериал «Отдел». 2010. С. 12. http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20900/;
19. Борис Межуев. Перестройка-2: Опыт повторения. М.: Весь мир, 2014. 202 с.
20. Вячеслав Глазычев. Как начиналась общественная жизнь в СССР: Часть 1: Создание структур «Мемориала». 25 с. http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1258401150.html
21. И. Коршевер И. От города солнца к городу зеро Наука в Сибири. 2001. № 32-33 (авг). С. 2.
22. Кароль Сигман. Политические клубы и перестройка в России. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014. 472 с.
23. Игорь Сундиев. «О неформалах». «Социологические исследования»; 5, 1987. с. 56-62. <http://theoryandpractice.ru/seminars/1321-sovetskie-kluby-18-9>.
24. М.С. Качан. 177. Не было движения, – сказала Севастьянова.. <http://www.proza.ru/2013/04/13/308>
25. Виктор Дорошенко. Как моя мама помогла И.С. // В кн. И.С. Алексеев. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии физики. М.: Руссо, 1995. с. 447-452.
26. Б. Г. Миркин. Проблема группового выбора. М.: Наука, 1974. 256 с.
27. И. С. Кузнецов. Новосибирский Академгородок в 1968: «Письмо сорока шести». Новосибирск: Офсет-ТМ, 2015. 485 с.
28. «Дело» молодых историков (1957-1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 113-116.
29. Воспоминания Бори Штивельмана. 14 с. <http://www.tphs.info/lib/exe/fetch.php/wiki:autor:sucheva:borus.pdf>
30. И. Ф. Гинзбург. Моя жизнь в НГУ и окрест. 15 с. <http://www.ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf>
31. Вячеслав Губочкин. Тайна пятой задачи, или математический антисемитизм. <http://www.vmk78.narod.ru/>
32. Маша Гессен. Совершенная строгость. Григорий Перельман: Гений и задача тысячелетия. М.: Астрель, 2011. 272 с.
33. Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Публикации. Материалы. М.: Наука, 2002. 369 с.
34. М. А. Розов. Я опоздал на нашу встречу // В кн.: И. С. Алексеев. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии физики. М.: Руссо, 1995. с. 420-438.
35. Р. Л. Берг. Суховей. Воспоминания генетика. М., 2003. 527 с.
36. Воспоминания о протесте тудентов НГУ в поддержку диссидентов. Из воспоминаний С.А. Красильникова. «Логос», Новосибирск, 1997. С. 3. А также: http://www.nsu.ru/exp/2014/1/24/vospominaniya_o_proteste_studentov_ngu_v_podderzhku_dissidentov
37. Лаврова А. Из истории нельзя вырвать страницы. Интервью а профессором И.А. Молетотовым // Твой городок. 2007. № 26 (2 июля).

38. М.С. Качан. Оппозиционное движение по Дорошенко. <http://www.proza.ru/2013/04/11/1789>.
 39. М.С. Качан. Академгородок, 1964. Пост 39-40. Оппозиционное студенческое.

References (transliterated):

1. V. S. Sergeev. «Universitetskoe delo»: formirovanie oppozitsionnykh vzglyadov gruppy L. Krasnopevtseva – L. Rendelya. 9 s. <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=69>.
2. Ol'ga Gerasimova. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' studenchestva MGU v 1950-e – seredine 1960-kh gg. Dissertatsiya... M., 2008. S. 82-92. <http://warianty.blogspot.com/2010/04/blog-post.html>
3. R. I Pimenov. Vospominaniya. Manuskript. M.: Panorama, 1996. 435 s.
4. L. Blyakher. Iskustvo neupravlyaemoy zhizni. Dal'nii Vostok. M.: Evropa, 2014. 208 s.
5. «Molodye vystupanty» v Diskussionnom klube. Vystuplenie prepodavatelya FMSH V. L. Doroshenko. Universitetskaya Zhizn'. № 5(466), 25 fevralya 1995. s. 3.
6. M. V. Shilovskii. Istoriya universitetskogo vol'nodumiya. Za Nauku v Sibiri. № 42, 1997. S. 11.
7. G. A. Shvetsov. Ostorozhno! Istoriya! Za Nauku v Sibiri. № 1, 1998. S. 2.
8. V. L. Doroshenko. K istorii studencheskogo dvizheniya v NGU v 60-e gody. Nauka v Sibiri. № 9-10, 13 marta 1998 g. www.sbras.ru/HBC/hbc.phtml?22+173+1.
9. A.G. Borzenkov. Molodezh' i politika: Vozmozhnosti i predely studencheskoi samodeyatelnosti na vostoке Rossii (1961-1991 gg.). V dvukh chastyakh. Izd. vtoroe, stereoptipnoe. Novosibirsk, NGU: 2003. 242+245 cc.
10. O vremeni i o sebe. Novosibirsk: RITs NGU, 2014. 2-e izd., isprav. i dop. 824 s. http://www.phys.nsu.ru/ff1968/Book/Book_2_%201963_opt.pdf
11. Ostrova utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940—1980-e). Moskva: NLO, 2015. 716 s.
12. Yurii Orlov. Opasnye mysli. M.: Zakharov, 2008. S. 34.
13. I. F. Ginzburg. Moi vospominaniya // V kn. O vremeni i o sebe. 15 s. <http://ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf>
14. L.F. Liss. Iz vospominanii ob istorii gumanitarnogo fakul'teta NGU. Idei i idealy. № 2, T. 2, 2013. s. 128-142.
15. E. G. Vodichev, N. A. Kupershtokh. Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody. 16 s. <http://www.km.ru/referats/675E1D18315E4C66BB168B3520EB18CE>
16. E. G. Vodichev, N. A. Kupershtokh. Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva i ego evolyutsiya v 1960-e gg. (na primere Novosibirskogo nauchno-go tsentra) // Dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri: traditsii i novatsii. Sb. nauch. trudov. Novosibirsk, 2001. 143 s.
17. Gennadii Kuzovkin. Partiino-komsomol'skie presledovania po politicheskim motivam v period rannei «ottepeli». 30 s. <http://www.memo.ru/library/books/korni/chapter10.htm>
18. Aleksandr Arkhangel'skii. Dokumental'nyi serial «Otdel». 2010. S. 12. [http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20900/;](http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20900/)
19. Boris Mezhev. Perestroika-2: Opyt povtoreniya. M.: Ves' mir, 2014. 202 s.
20. Vyacheslav Glazychev. Kak nachinalas' obshchestvennaya zhizn' v SSSR: Chast' 1: Sozdanie struktur «Memoriala». 25 s. http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1258401150.html
21. I. Korshever I. Ot goroda solntsa k gorodu zero Nauka v Sibiri. 2001. № 32-33 (avg). S. 2.
22. Karol' Sigman. Politicheskie kluby i perestroika v Rossii. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. 472 s.
23. Igor' Sundiev. «O neformalakh». «Sotsiologicheskie issledovaniya»; 5, 1987. s. 56-62. <http://theoryandpractice.ru/seminars/1321-sovetskie-kluby-18-9>.
24. M.S. Качан. 177. Не было движения, – сказала Севаст'янова.. <http://www.proza.ru/2013/04/13/308>
25. Viktor Doroshenko. Kak moy mama pomogla I.S. // V kn. I.S. Alekseev. Deyatel'nostnaya kontseptsiya poznaniya i real'nosti. Izbrannye trudy po metodologii fiziki. M.: Russo, 1995. s. 447-452.
26. B. G. Mirkin. Problema gruppovogo vybora.M.: Nauka, 1974. 256 s.
27. I. S. Kuznetsov. Novosibirskii Akademgorodok v 1968: «Pis'mo soroka shesti». Novosibirsk: Ofset-TM, 2015. 485 s.
28. «Delo» molodykh istorikov (1957-1958 gg.) // Voprosy istorii. 1994. № 4. S. 113-116.
29. Vospominaniya Bori Shtivel'mana. 14 s. <http://www.tphs.info/lib/exe/flash.php/wiki:autor:sucheva:borus.pdf>
30. I. F. Ginzburg. Moya zhizn' v NGU i okrest. 15 s. <http://www.ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf>
31. Vyacheslav Gubochkin. Taina pyatoi zadachi, ili matematicheskii antisemitizm. <http://www.vmk78.narod.ru/>
32. Masha Gessen. Sovershennaya strogost'. Grigorii Perel'man: Genii i zadacha tysyacheletiya. M.: Astrel', 2011. 272 s.

33. Akademik Aleksandr Danilovich Aleksandrov. Vospominaniya. Publikatsii. Materialy. M.: Nauka, 2002. 369 s.
34. M. A. Rozov. Ya opozdal na nashu vstrechu // V kn.: I. S. Alekseev. Deyatel'nostnaya kontseptsiya poznaniya i real'nosti. Izbrannye trudy po metodologii fiziki. M.: Russo, 1995. s. 420-438.
35. R. L. Berg. Sukhovei. Vospominaniya genetika. M., 2003. 527 s.
36. Vospominaniya o proteste tudentov NGU v podderzhku dissidentov. Iz vospominanii S.A. Krasil'nikova. «Logos», Novosibirsk, 1997. S. 3. A takzhe: http://www.nsu.ru/exp/2014/1/24/vospominaniya_o_proteste_studentov_ngu_v_podderzhku_dissidentov
37. Lavrova A. Iz istorii nel'zya vyrvat' stranitsy. Interv'yu a professorom I.A. Moletotovym // Tvoi gorodok. 2007. № 26 (2 iyulya).
38. M.S. Kachan. Oppozitsionnoe dvizhenie po Doroshenko. <http://www.proza.ru/2013/04/11/1789>.
39. M.S. Kachan . Akademgorodok, 1964. Post 39-40. Oppozitsionnoe studencheskoe.